

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В БОЛГАРИИ

Литературная рецепция является основным состоянием, посредством которого осмысливается история русской литературы в Болгарии. Еще в статье «Истоки русского влияния в болгарской книжности (О юбилее Пушкина, 26 мая 1899 г.)» — по существу, первом научном исследовании о восприятии русской литературы в Болгарии — встреча с русской литературой считается проблемой литературной рецепции. С того момента, с той пионерской работы проф. И. Шишманова¹ с различной степенью исследовательского интереса вопросы вхождения и распространения, воздействия и влияния, восприятия и усвоения русской художественной литературы в Болгарии находятся среди самых животрепещущих как среди болгаристов, так и русистов. Именно это объединение взаимных усилий на практике делает рецепцию русской литературы одной из самых разработанных у нас. Почти 120-летняя история этих исследований позволяет проследить, как развивается это направление с течением времени — от начальных эмпирических набросков до исследования, как усваиваются произведения и художественные переводы от сопоставления взаимосвязей между двумя литературами до современных опытов теоретического моделирования диалогов между «своим» и «чужим».

Критический взгляд на установленную традицию интерпретации позволяют отметить по крайней мере два слабых звена.

¹ Български преглед. София, 1899. № 9–10.

К первому из них относится том 2 серии Академического издательства «Рецепция переводов европейских литератур в Болгарии. Русская литература» (2001). Согласно разработанной составителями концепции, применяющейся в анализе фактов, становится ясно, что рецепция мыслится только и единственно как *рецепция переводов*. Перевод действительно является основным звеном рецепции, явлением встречи двух литератур (по известному наблюдению проф. Б. Ничева)². Но верно и то, что невозможно четко разграничить поле исследования истории перевода и истории рецепции. Избранная и защищаемая в этом сборнике интерпретационная позиция — языковая перспектива — вообще не связана с динамикой переводной коммуникации, ее началом и концом, мотивацией выбора текста для перевода и/или критических референций, завершающей движение «чужого» в новой среде. Хочу быть правильно понятым. Вне всякого сомнения, этот коллективный труд имеет значительную эмпирическую ценность. Его авторы проделали огромную просветительскую и исследовательскую работу, непосильную для одного исследователя. Однако то, чего действительно не хватает этому труду для превращения его в историю рецепции, а не в обычный сборник критических очерков об отдельных русских писателях, так это обобщений. В нем не очерчены различные волны вхождения русской литературы в болгарскую литературную традицию, их рецепция в Болгарию и периодизация этой рецепции. Несмотря на то, что упомянутый труд создавался после начала болгарской «перестройки» в 1989 г., в нем словно по инерции продолжали доминировать «советские» методологические установки. Излишне напоминать, что они были введены у нас после 1944 г., так же как невозможно отрицать и то, что после этой пограничной даты создались несравнимо лучшие по сравнению с прежними условия для распространения и популяризации русской

² Ничев Б. Славянската литературна рецепция в историята на новата българска литература // Славянските литератури в България. Проблеми на рецепцията. София: Унив. изд. «Кл. Охридски», 1988. С. 12.

и советской литературы в Болгарии. Здесь проблема в другом. После 9 сентября 1944 г. разговоры не только о русской литературе XX в., но и о «классической русской литературе» XIX в. были резко идеологизированы, и это является вторым слабым звеном в изучении рецепции перевода.

Изучение рецепции русской литературы, особенно периода 20-х — 40-х гг. XX в., превратилось чуть ли не в общественно-политическую, а не только в литературно-историческую задачу. Оно стало скучным монологом, который велся с целью доказать превосходство социалистической политической и идеологической системы. При интерпретации болгаро-русских литературных взаимоотношений после с 1944 г. обычными у нас стали отсутствие критичности, членение темы на более мелкие, псевдонаучность и публицистичность, прикрытые идеологическими рассуждениями и искусственной эмоциональностью. Родился своеобразный «протокол прочтения», неизбежно искажавший понятие межлитературного влияния.

Одним из важных следствий этого упрощения истории рецепции являлось то, что в изучении тогдашнего актуального литературного процесса (особенно 1920-х гг.) не были учтены творчество пребывающих тогда в Болгарии русских литераторов-эмигрантов. По политическим причинам замалчивалась и их роль в межлитературном обмене. Именно необходимость переосмысления их значения для расширения и обогащения болгарских диалогов с русской литературой и послужила конкретным поводом для написания данной работы.

История русской литературной эмиграции в Болгарии (1919–1944) — уже не новая для болгарского литературоведения тема. Ею занимались такие болгарские ученые, как Р. Русев, Р. Илчева и я в том числе. Мы одни из первых в Болгарии начали разрабатывать эту большую и важную тему еще около четверти века назад. После выхода множества публикаций, индивидуальных и коллективных, можно утверждать, что значение русских интеллектуалов в расширении наших

горизонтов при общении с этой литературой нельзя назвать небольшим³.

Сейчас мы изучаем творчество русской литературной эмиграции в Болгарии в трёх различных и непересекающихся социокультурных контекстах.

Основным является их имманентный контекст здесь, в новой среде, в которой они по воле обстоятельств оказались после 1919 г. Этот контекст ограничивался кругом личностных проблем, а над ним формировался наднациональный общеэмигрантский контекст. Он помогал сохранять и охранять память об общем родном, не противопоставляя себя контексту первому в плане ценности и функциональности. Третий контекст относится к болгаро-русской встрече, свое родное переосмысливается в нем через общеплеменное бытие.

В настоящей статье меня интересует последний контекст, контекст ВСТРЕЧИ, в котором эмиграция берет на себя роль и функцию посредника в болгарском общении с русской литературой. Из-за ограниченности объёма статьи приведу лишь два примера.

Первый из них относится к актуальной рецепции творчества Анны Ахматовой в Болгарии. Впервые как явление модернизма в современной русской поэзии его представил болгарской аудитории русский эмигрант К.В. Мочульский⁴. Второй пример касается мероприятий, проводившихся в Болгарии по случаю 125-летия смерти А.С. Пушкина.

³ Укажу на два последних обобщающих коллективных издания Группы изучения русской эмиграции в Болгарии: *«Погасло дневное светило...»*. Руската литературна емиграция в България 1919–1944 / Състав. и научни ред. Р. Русев, Й. Люцканов, Хр. Манолакев. София: Академично изд. «Проф. Марин Дринов», 2010; Периодика на руската емиграция в България. 1920–1943. Енциклопедичен справочник. Отг. ред. Р. Русев, съст., автори на статиите и редактори: Р. Русев, Хр. Манолакев, Й. Люцканов, Р. Илчева, Г. Петкова София: Изд. център «Боян Пенев», 2012. 764 с.

⁴ Подробно о нем см.: *Манолакев Х.* Константин Мочулски в българския печат през 20-те години и споменът за отказания спомен // *Човек и време. Сборник с научни изследвания в памет на Сабина Беляева.* София: Изд. на НБКМ, 1997. С. 363–380.

К.В. Мочульский приехал в Болгарию в начале 1920 г., и с 1 апреля 1920 г. был назначен рядовым доцентом истории литературы в Софийский университет.

Первая его опубликованная в Болгарии статья называлась «Современная русская лирика» и была напечатана в журнале «Златорог» (1920, № 9). Наиболее вероятно, что он написал ее по заказу редакции. Ибо такова была общепринятая практика того времени: редакторы различных столичных изданий обращались за содействием к русским эмигрантам — публицистам и интеллектуалам, чтобы они обрисовали актуальную картину политической и культурной жизни России последних лет или прокомментировали постоянно меняющуюся ситуацию в русской внутренней и внешней политике. Около 1918–1919 г. в Болгарии образовался информационный вакуум в отношении России из-за нехватки газет и противоречивости сведений, получаемых из письменных источников. Присутствие русских беженцев в Софии, независимо от их эмоционального состояния и наличия у них политической предубежденности, давало возможность познакомиться со свежей точкой зрения, которая умело использовалась для расширения информационных горизонтов болгарской аудитории.

К.В. Мочульский в своей статье поставил перед собой задачу очертить картину русской поэзии первого десятилетия XX в. и представить ведущие тенденции в ее развитии. Она представляла собой четыре фрагмента, каждый из которых посвящен определенной «частной» проблеме, вынесенной в заглавие темы. Автор стремился выстроить хронологию развития русской лирики и обосновать переход от старых поэтических форм к новым, к поиску новых средств выражения, адекватным новому мировоззрению. Он был категоричен — начало XX в. провело границу в истории русской литературы. Переход был повсеместным — от трансформации классической эпичности в прозе посредством стилистической интервенции символизма, натурализма, живописной техники кубизма (I фрагмент) до осмысления символизма как искусственного направления, отделившегося от проблем реальной жизни (II фрагмент). В третьем фрагменте К.В. Мочульский

интерпретирует поэзию Александра Блока как первый опыт преодоления поэтики символизма через стремление к исконно русскому. А в последнем фрагменте автор представляет новейшее поэтическое течение: «акмеизм», дает краткую информацию о «Цехе поэтов» и его представителях — Н. Гумилёве, М. Кузmine, С. Городецком, А. Ахматовой и О. Мандельштаме; в конце статьи подробно останавливается на последних поэтических сборниках А. Ахматовой.

Мы не станем обсуждать, какое место имел этот текст для индивидуального развития его автора. Для нас важнее оценить его роль в болгарском контексте рецепции русской литературы. Эта статья не была замечена болгарской русистикой ни до, ни после 1989 г., и если во время политических перемен можно было найти некоторое «логичное» объяснение этому упущению, то более позднее ее замалчивание вызывает недоумение. Упоминание о ней отсутствует, например, в коллективном очерке о восприятии Ахматовой в указанном труде. Автор очерка убеждает, что один из переводчиков Ахматовой, К. Константинов, чуть ли не самостоятельно открыл творчество русской поэтессы⁵. Картина рецепции по сути сложнее по большей части благодаря активной литературно-критической деятельности именно Мочульского.

Почти одновременно с отмеченной статьёй он напечатал в выходящем в Софии на русском языке журнале «Русская мысль» и большую аналитическую статью «Поэтическое творчество Анны Ахматовой»⁶. Она предназначалась для русских читателей, но ее, конечно же, заметили и болгарские читатели⁷. Эти настоящие импульсы «открытия» ахматовской лирики болгарской аудиторией, ее первые переводы на болгарский язык определено были связаны с критической деятельностью русского автора. Отблески вдохновенного портрета неизвес-

⁵ Метева Е. А. Ахматова // Преводна рецепция на европейските литератури в България в 8 тома. Т. 2: Руска литература. София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2001.

⁶ Русская мысль. София, 1921. № 3–4. С. 185–201.

⁷ Она была обстоятельно пересказана в газете «Развигор» (№ 20 от 21 мая 1921 г.).

тной болгарским читателям поэтессы, который Мочульский рисует в двух своих работах, могут быть уловлены и в первых оригинальных болгарских критических статьях о ней. В представлении А. Ахматовой, например, К. Константиновым в газете «Вестник на жената» («Газета женщины», 1922, № 51) и позднее в краткой анонимной статье в № 90 этого же издания. Так что статья Мочульского из журнала «Златорог» выходит за рамки популярного описания, необходимого для первого знакомства с неизвестными фактами, и представляет обстоятельный художественно-эстетический анализ и приобщает читателя к открытиям современной русской лирики. В течение 1921 г. Мочульский активно сотрудничал и с болгарской литературной печатью. Очевидно, его первая статья произвела большое впечатление на болгарскую аудиторию своей аргументированностью и компетентностью, потому что различные издания стремились привлечь его в качестве своего сотрудника.

Русская эмиграция так называемой «первой волны» способствовала созданию особой *рецепционной ситуации* в европейском культурном пространстве, в которой любое явное проявление русской духовности происходило как идеологическое противостояние точек зрения новой политической власти России и старого, исторгнутого из национального пространства, духовного сознания русских беженцев. Каждая из них отстаивала себя как единственно верную и правильную.

В таком плане мы рассмотрим второй пример, относящийся к событиям, приуроченным к столетию со дня смерти Пушкина в 1937 г.

Я выбрал эти события, а не торжественное празднование 100-летия Достоевского в 1921 г., потому что в 1937 г. эмиграция уже обустроилась в Болгарии, приспособилась к ней и вписалась в болгарские социальные институты. Ее представители регулярно появлялись в качестве авторов на страницах болгарской общественной и литературной прессы.

Болгарские мероприятия, отмечавшегося 100-летия смерти Пушкина в 1937 г. отличались своей *организованностью*. По всей стране устраивались утренники и вечера памяти поэта, проводимые известными культурными организациями:

Славянским обществом, Народным театром им. Ивана Вазова (во время Пушкинской недели в нем были поставлены оперы «Пиковая дама» и «Евгений Онегин»), Болгаро-советским обществом, Министерством Народного просвещения. По случаю юбилея появилось много новых переводов стихов Пушкина; было опубликовано огромное число статей и разнообразных материалов о судьбе и творчестве русского поэта. Посвященные Пушкину тематические номера выпустили журналы «Литературен глас», «Литературен час», «Новый женский журнал», в честь поэта выходили юбилейные листовки. Из необозримого рецепционного массива хорошо видно, что складывалась национальная рецепционная норма пушкинского творчества. Условно можем назвать ее *славянофильской*, поскольку она базируется на идентификации славянских тем и мотивов в творчестве поэта. Эту точку зрения отстаивали такие авторы, как С.С. Бобчев, Н.С. Бобчев, В. Велчев и др. В каком-то смысле она была принята и в качестве *официальной*.

До 1989 г. наиболее значимым проявлением этих празднеств считалось одноразовое издание листовки «А.С. Пушкин. 100 лет со дня его смерти. Номер единственный. София, 20.II.1937. Редактор Генчо Белев». По решению Болгарской Коммунистической партии в преддверии юбилея поэта политические лидеры Г. Бакалов и Т. Павлов собрали писателей-антифашистов с целью заявить о своей точке зрения на творчество Пушкина, отличной от официальной. Она не являлась их собственной, а привносила в болгарское рецепционное пространство советское прочтение Пушкина, декларировавшееся как единственно правильное. То есть ее интерпретационная стратегия — это выдвижение на передний план конкретного политического жупела — нового советского государства. Начиная с риторики отдельной статьи до целостной «риторики монтажа» издания в нем внушалось, что истинное празднование юбилея поэта стало возможным *единственно* в Советской России. По сути, это было проявлением яркой *политизации* рецепции творчества Пушкина.

На самом деле картина событий была намного более пестрая и богатая благодаря именно участию представителей русской эмиграции. В течение всего юбилейного года они с бол-

гарскими просветительскими и культурными организациями организовывали совместные чествования, читали лекции перед болгарской и русской аудиторией. На них выступали такие видные фигуры, как проф. П. Бицилли и проф. М. Попруженко, т.е. рецепция происходила как *всеобщее явление*. В своих докладах оба ученых ставили акцент на общечеловеческом значении Пушкина. Проф. Бицилли, кроме того, опубликовал в газете «Просвета» («Просвещение») свою статью «Пушкин и проблемы культуры»,⁸ в которой исследовались отношения между государством и культурой. Ученый считал, что мировоззрение Пушкина строилось на особом соотношении идей *закона, равенства и свободы* и творчески защищалось поэтом в таких произведениях, как «Борис Годунов», «Капитанская дочка» и др.

Помимо этой публикации, необходимо упомянуть и статью «Мировое значение Пушкина», помещённую в газете «Училищен преглед» («Школьное обозрение»). Её автор — русский эмигрант, известный исследователь Пушкина и Достоевского, проф. А.Л. Бем⁹, находившийся в то время в Праге. В статье аналитически осмыслялось место русского гения в развитии европейской культуры.

Эти два текста, опубликованные во время чествования в Болгарии юбилея Пушкина в 1937 г., фактически предлагали *единственную интерпретационную* точку зрения на творчество Пушкина. По сравнению с ними болгарские публикации, если опустить здесь их политическое значение, имели главным образом публицистически-популяризаторский характер и страдали от аналитического бессилия.

Становится ясно, что литературная рецепция — это не только исключительная переводческая активность (по которой оценивалось значение юбилея в рассматриваемом томе «Русская рецепция»), но прежде всего острая дискуссия между текстами. Пушкинский юбилей 1937 г. был сильно идеологизирован. Каждая точка зрения на творчество поэта и его оценка отражала определенный идеологический срез. Наиболее яркую идеологическую окраску имела листовка Г. Белева — она подменяла собой духовный диалог, превращая юбилей в политический ан-

⁸ Просвета. София, 1936–1937. № 5. С. 619–625.

⁹ Училищен преглед. София, 1937. № 2. С. 191–204.

гажимент. Ее агресивност и императивна тоналност свидетелствували об откровенна политизация юбилея. Идеологическата направеност на тази листовка противостояла точка на зрение проф. Бицилли, също по-своето идеологизирана. О прямото диалог, конечно, говорить нельзя — черти диалога възниквали само благодарно общому комуникативно-рецепционному контексту. Как писал един емигрантски журнал тогавашно време, «большевики упират на революционност Пушкина, емиграция налага преимущественно на “вечные ценности”»

И в этом смысле текстово многообразие в год столетия со дня смерти Пушкина представляло собой не серию размеренно критико-информационных текстов, а столкновение точек зрения, противопоставленных и противостоящих друг другу. В болгарском рецепционном пространстве 1937 г. Пушкин стал объектом не столько литературной, сколько идеологической дискуссии.

Перевод с болгарского *И.Н. Смирновой*

РЕЗЮМЕ

РУСКАТА ЕМИГРАЦИЯ И РЕЦЕПЦИЯ НА РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА В БЪЛГАРИЯ

В статията се разглеждат особеностите на отпразнуването на Пушкиновия юбилей в България през 1939 г. Авторът отбелязва, че рецепцията на руската литература в страната традиционно се третира единствено като *преводна* рецепция. При това през по-голямата част от XX в. тълкуването ѝ е прекалено идеологизирано. Промените започват чак през 90-те години на XX — първите десетилетия на XXI в. Привличат се много нови, забранени дотогава литературни материали и, в частност, тези, които са свързани с дейността в България на «бялата» руска емиграция. Сред руските емигранти има много писатели, поети и учени. Към последните се отнася литературоведът Константин Мочулски, назначен за редовен доцент по литературна история в Софийския университет. Именно на него и на редица други руски емигранти (П. Бицилли и М. Попруженко) принадлежи заслугата на обективното представяне и тълкуване на Пушкиновото литературно наследство. По същината си то е «класическо» и непряко опонира на натрапената официална гледна точка, че единствено в Съветска Русия творчеството на Пушкин е било правилно разбрано и тълкувано.